

СЕЦЕССИЯ в ИНДОНЕЗИИ (пример Восточного Тимора)

Конфликт и сепаратизм

Конфликт как особая форма коллективного взаимодействия двух или нескольких сторон – социальных групп, народов, государственных и негосударственных субъектов или групп государств, концентрированно воспроизводит лежащие в его основе экономические, политические, территориальные, идеологические, национальные и иные по природе и характеру противоречия. В развитии конфликта могут иметь значение различные имеющиеся у конфликтующих сторон средства, вплоть до средств вооруженной борьбы.

В основе сепаратизма, как формы отделения территории и образования нового государства, как правило, лежат социальные или политические конфликты, при которых меньшинство получает несоответствующую его притязаниям долю властных полномочий и материальных благ. Там, где факторы экономического неравенства накладываются на проблемы, связанные с территориальными границами, может возникнуть некая форма националистического движения.

Внутренние конфликты являются разновидностью отношений, в которые вступают на почве противоречий власть и оппозиция, различные социальные, этнические и национальные группы и сегменты общества. По своему происхождению и характеру эти противоречия и порождаемые ими проблемы в отношениях различных социальных групп и классов могут быть экономическими, идеологическими, религиозными, культурными, политическими и социально-психологическими.

Накопление конфликтного потенциала сопровождается развитием оценочно-эмоционального элемента конфликта, и потому признаки данного процесса могут себя обнаружить на достаточно ранней стадии развития в форме публичных выступлений, публикаций в прессе, телевизионных репортажей,

опросов общественного мнения, аналитических статей и т.д. При этом преобладание в медийном пространстве негативных и откровенно враждебных оценок служит показателем повышения вероятности возникновения собственно конфликта. Вместе с тем даже на этой стадии развития конфликтного взаимодействия неизбежность его материализации не предрешена; она обусловлена дополнительными необходимыми факторами, накоплением некой критической массы, после которой взрыв конфликтного противостояния предопределен.

Причина провала переговоров по мирной трансформации конфликта заключается в непримиримости противоречий. Вооруженные формы конфликтного противостояния или прямое насилие лишь внешнее проявление глубинных противоречий. Устранив внешние признаки «лихорадки», не занимаясь кропотливым трудом по устранению глубинных противоречий, связанных со структурным и его оправдывающим культурным насилием, невозможно добиться долговременного успеха. Задача заключается не только в том, чтобы остановить насилие, но перевести в мирное русло конфликтное взаимодействие и запустить механизм созидательного процесса. Таким образом, технологии мирной трансформации конфликта напрямую связаны с переустройством структур насилия в обществе и внедрением культуры мира в общественное сознание.

Динамика конфликта имеет тенденцию ухудшаться по мере того, как стороны переходят к действиям, которые усиливают напряженность и силовые формы поведения. Подобное развитие конфликта должно рассматриваться в контексте политических процессов. Они могут развиваться в сторону вызывающего кризис процесса утраты легитимности власти и государственных институтов. Первоначальные требования одной из сторон противостояния полностью не удовлетворяются или могут возникнуть дополнительные противоречия. Поскольку динамика любого конфликта не имеет универсальной траектории, то напряженность может сохраняться длительное время. Тем не менее, развитие конфронтации между сторонами конфликта прогрессирует в пределах циклов или фаз, из которых и складывается конфликт.

Практика показывает, что социальные субъекты конфликтных отношений, как правило, стремятся донести свою точку зрения по спорным вопросам и продемонстрировать недовольство. В то же время объявление позиции редко принимает форму официальных заявлений. Чаще всего стороны стараются изменить форму изложения своих требований по мере эскалации конфликта и в ходе изменения своих целей. Первоначально изложение позиции стороной конфликта становится ответной мерой на гипотетическую угрозу, хотя в отсутствие таковой политические режиссеры конфликта могут заняться поисками угроз путем манипулирования информацией, провоцируя недовольство, которое позволяет мобилизовать участников конфликтного противостояния и привлечь внимание правительства к своим требованиям¹.

На первом этапе ведутся поиски подходящих форм протеста для привлечения внимания правительства к своему положению и незначительного перераспределения социальных привилегий². На этой стадии роль государства, равно как и его властные структуры не подвергаются риску. В то же время сохраняющееся неравенство, присущее отношениям между властными структурами и маргинальными группами (т.е. неравенство в распределении власти, ресурсов, юридическом статусе, структурных позициях; асимметрия доступа к институциональным механизмам; асимметрия в целях и потребностях) диктует правила игры, при которых правительство инициирует переговоры или предлагает выгодные для себя решения.

Но даже в этом случае ранняя стадия конфликта наиболее благоприятна в плане его конструктивной трансформации. Цели субъектов конфликтного противостояния, как правило, не совпадают, поскольку оппозиция стремится к значительным изменениям, в то время как власть хочет сохранить статус-кво. В ответ на увеличивающееся давление правительства часто предлагают решения, которые в большей мере подходят для предшествующей стадии конфликта, но уже не соответствуют текущей фазе конфликтного противостояния и больше не удовлетворяют требованиям оппозиции³.

Таким образом, ответные меры не в состоянии заблокировать развитие конфликта. В результате участники конфликтно-

го взаимодействия консолидируются и выдвигают более серьезные. К ним относятся вопросы перераспределения социальных благ и контроля над ресурсами.

На этой стадии правительство может подавить или ограничить действия оппозиции. В качестве альтернативы стороны могут приступить к процессу, который способствует диффузии конфликта, или выбрать направление, приводящее к его эскалации. Юридические расследования, создание комиссий экспертов и другие методы официального расследования часто направлены на диффузию кризисной ситуации в попытке установить источник проблемы и найти возможные решения. Таковы методы правительства, направленные на блокирование процессов деполитизации социальных институтов. Посредничество, переговоры и иные административные и политические меры согласия (новые выборы, подписание политического соглашения, назначение членов оппозиции в кабинет) или более далеко идущие институциональные изменения также являются альтернативой для ответных мер на действия оппозиции в контексте вызова легитимности государственных институтов.

Потерпев неудачу в достижении своих целей на первой стадии конфликта, впоследствии оппозиция отказывается от попыток сотрудничать и ищет альтернативные односторонние решения, в том числе миграцию, автономизацию, сецессию, или самоопределение.

Отказ от сотрудничества служит признаком того, что участники конфликтного противостояния не находят общей основы в позициях сторон и возможностей разделить будущее, в котором их цели были бы достигнуты. Они сепаратно или в рамках совместных действий определяют, что не существуют законных или приемлемых институциональных рамок, равно как и политических процессов, с помощью которых они могли бы взаимодействовать и вести поиск решений. Этот момент является критическим вызовом легитимности государственных политических и социальных институтов и власти. По мере разрушения властных структур возникают дополнительные условия для дальнейшей эскалации конфликта.

Приоритеты посредников могут меняться в зависимости от конфигурации фракций в правительстве или в оппозиции и

по мере выработки новых стратегических подходов. Эти изменения могут способствовать выдвиганию на политическую сцену радикально настроенных и менее гибких личностей, оценивающих возможности прихода к власти⁴.

Эскалация конфликта может происходить за счет различных стратегий, которые сфокусированы на манипуляции информацией, на борьбе за навязывание другой стороне конфликтных форм поведения и свое видение конфликта. Те участники, которые преуспели в определении содержания конфликта, держат в руках ключ к его разрешению.

В конфликтном противоборстве информация и связь являются основными механизмами, с помощью которых правительства пытаются ввести эксклюзивный контроль в попытке навязать свое видение ситуации и оправдать цели и направление действий. Можно утверждать, что потеря контроля над средствами информации создает серьезную угрозу эффективному управлению и правительственным попыткам сохранить институциональную законность. Язык—это важное средство в трансформации конфликтного противостояния, и к этому можно добавить информацию и аргументы, которые выборочно влияют на политизацию требований.

Правительство стремится к контролю над средствами массовой информации и каналами связи с целью закамouflировать кризисную ситуацию. Его задача заключается не только в том, чтобы выиграть время или воспрепятствовать дальнейшей эскалации конфликта. Подобная стратегия может потерпеть крах в результате усиления кризиса доверия, особенно в случае, когда ситуация ухудшается, а решения так и не найдены.

Оппозиционные партии, которые стремятся к изменениям, могут воспользоваться разжиганием социального кризиса для создания благоприятного политического и психологического климата для постепенных изменений. Для участников противостояния со стороны государства, равно как и для оппозиционных движений, характерна логика драматизации серьезности ситуации. Крайние формы действий возможны в большей степени, когда угрозы персонифицированы и враг определен. Для достижения подобных результатов посредники могут апеллировать к глубинным причинам, лежащим в основе оценок насе-

лением среды обитания. Логика подобных крайних мер – это эскалация внутренних конфликтов по горизонтали.

Отсутствие цели и фактической информации о событиях способствует развитию тенденции неадекватной оценки ситуации со стороны общества, в то время как дезинформация приводит к появлению стереотипов и дегуманизации «других».

Манипуляция определениями угроз является особенно мощным средством консолидации группы и оправдания силовых действий, включая вооруженную борьбу, особенно если участники считают, что конфликт представляет угрозу основным конструкциям. Ритуальные действия имеют специфическое символическое значение и, как правило, сопровождают высокоструктурированные и стандартизированные обычаи в определенных местах и в специальное время. Во время кризиса ритуалы солидарности, утешения и очищения дают возможность правительству показать, что оно контролирует ситуацию (организация пресс-конференций, появление в местах катастроф); откликается на страдания людей и вникает в суть проблемы.

Когда это приводит к поиску «козлов отпущения» или осуждению прежних врагов, возможно провоцирование эскалации конфликта. Это относится к ритуалам враждебности, для которых характерны террористические действия (захват заложников), но справедливо и для других форм протестных действий, например, сжигания флага противника и портретов вождей или ритуальные действия, использующие историческое недовольство, включая дискриминацию и геноцид.

Ритуальные действия, вызывающие исторические ассоциации, дополняют особенности современного самосознания оппозиционных групп и могут увеличить число спорных вопросов, углубить серьезность проблем и привести к социальной поляризации. Справедливости ради, следует признать, что ритуальные действия могут быть использованы и с целью деэскалации, например, драматические действия, когда лидеры или отдельные лица берут на себя ответственность за прошлые гонения и тем самым усиливают согласие, симпатию и солидарность, обращаясь к высшим принципам и моральным нормам. Видимые межгрупповые различия усиливаются, а внутригруп-

повые уменьшаются, что способствует процессу деперсонализации и дегуманизации «других»⁵.

Дегуманизация делает возможным применение насилия. Проще стрелять во что-то «нечеловеческое». Если группы уже имеют оружие и сформировали вооруженные отряды, то любой инцидент или ухудшение обстановки может вызвать насилие.

Таким образом, ускорители конфликта способствуют эскалации конфликтных действий, что включает в себя как инициативные выражения недовольства, так и мобилизацию, конфронтацию и вооруженные столкновения.

В развивающихся конфликтах тенденция к усилению враждебного противостояния как основы взаимодействия между сторонами увеличивается. Часто оно становится единственным типом взаимодействия. Повторяющийся эффект деструктивного конфликтного поведения состоит в том, что стороны настаивают на продолжении конфликта. Таким образом, в последней стадии эскалации конфликта каждая сторона в равной степени несет ответственность за его продолжение для достижения своих максималистских целей путем односторонних мер. Конфликт становится средством самоидентификации и его продолжение приобретает критический характер для групповой самоидентификации и функциональный – для поддержания внутрипартийного согласия. На этой стадии развития конфликтного взаимодействия усиливаются сепаратистские тенденции, и повышается вероятность реализации сценария сецессии.

Сецессия в Индонезии. Восточный Тимор

Индонезия – огромный архипелаг, через водные пути которого проходит две пятых мирового судоходства. Ее размер, местоположение и природные ресурсы делают её потенциально серьезным препятствием для любой попытки Китая добиться гегемонии в Юго-Восточной Азии. Сможет ли Индонезия сохранить свою целостность? Этот вопрос звучит как в самой Юго-Восточной Азии, так и за ее пределами.

В условиях обострения экономического кризиса в 1997 г. в стране начались беспорядки, результатом которых стала гибель тысяч людей. Но, как бы тяжело ни было, этого не хвати-

ло, чтобы дестабилизировать страну. И хотя сепаратистские движения набрали силу в нескольких отдаленных провинциях, они не располагали достаточными ресурсами или поддержкой, чтобы выдвигать свои условия правительству.

Восточный Тимор обиталище гор. Здесь царит жаркий экваториальный климат и муссоны. На 2017 г. население восточной части острова составляло около 1,26 млн. человек. Этнический состав жителей Восточного Тимора представляет собой смешение южномонголоидного и меланезийско-папуасского типов, при этом преобладает второй. Потомки смешанных браков между португальцами и местными жителями составляют немалую часть населения, можно встретить небольшое количество китайцев и потомков арабов. В то же время доля непосредственно уроженцев регионов собственно Индонезии там невелика, что автоматически создает этнический барьер между Восточным Тимором и остальной Индонезией.

Борьба за независимость началась еще в 1974 г., в период, когда Восточный Тимор находился под Португальским владычеством. Известия об апрельской «революции гвоздик», приведшей к смене руководящего режима в Лиссабоне, и о планах деколонизации заморских провинций дошли до Восточного Тимора и подтолкнули к формированию освободительных движений. Разумеется, местная верхушка была обеспокоена и озадачена поступающими новостями. Их тревожило то обстоятельство, что Индонезия может прибегнуть к экспансии и насильственному присоединению восточной части острова. В таких условиях, местное руководство проявляло готовность обратиться за покровительством к Австралии или Соединенным Штатам.

Уже с начала организационного оформления политических партий и общественных объединений первым выделился Демократический союз Тимора (Uniao Democratica Timorese (UDT)(УДТ)). Он провозгласил право народа Восточного Тимора на независимость, отвергая объединение с Индонезией. В 1974 г. образовалась Тиморская социально-демократическая ассоциация, которая позднее была переименована в Революционный фронт за независимый Восточный Тимор (Frente Revolucionaria do Timor Leste Independente (FRETILIN)). Посте-

пенно ФРЕТИЛИН стал самой массовой политической организацией, в его составе преобладала образованная молодежь, вдохновленная «революцией гвоздик».

Фронт не был коммунистическим, хотя там имелось сильное левое крыло, выдвигавшее коммунистические лозунги, однако СМИ все чаще именовали его «марксистским». Его главной целью было стремление к независимости.

Третья организация – Ассоциация за интеграцию Восточного Тимора в состав Индонезии, позднее Тиморская народно-демократическая ассоциация (АПОДЕТИ) – *Associao Popular Democratica Timorese* (APODETI). Эта партия пользовалась поддержкой Индонезии и мусульманских общин.

В 1975 г. УДТ и ФРЕТИЛИН объединились, решив организовать временное правительство, где в равных количествах были представлены обе партии и португальские власти. Позднее коалиция распалась, и ФРЕТИЛИН обвинил УДТ в контактах с правительством Индонезии. В результате АПОДЕТИ и УДТ оказались на одной стороне, противостоящими ФРЕТИЛИН и обвиняющими его в пропаганде коммунизма.

В Индонезии это усиливало опасения, что в результате Восточный Тимор попадет под власть коммунистов, однако никаких серьезных шагов она не предпринимала, опасаясь реакции мировой общественности, в частности, Австралии и Соединенных Штатов. Некоторое время индонезийское правительство действовало достаточно незаметно, собирая информацию на крайний случай интервенции и пытаясь склонить на свою сторону интеллектуальную элиту.

В августе УДТ попытались совершить государственный переворот, мотивируя это тем, что собирались устранить коммунистическую угрозу и дальше вместе двигаться к независимости. Позднее УДТ пришлось отступить на Западный Тимор, под крыло Индонезии. Тем временем индонезийская разведка сообщила, что Лиссабон планирует отказаться от своих колоний в Юго-Восточной Азии. Как только была получена информация об эвакуации португальского гарнизона, Индонезия высадила военный десант в Дили (столица Восточного Тимора, порт) для эвакуации своего консульства. После этого, часть индонезийской армии развернулась на сопредельной территории

и начала совершать систематические рейды через границу с целью дестабилизации обстановки. Индонезия объясняла эти действия тем, что ФРЕТИЛИН начал гражданскую войну, и индонезийские власти очень этим обеспокоены. Обстановка накалилась до предела.

Несмотря на это, в ноябре 1975 г. ФРЕТИЛИН провозгласил независимость Демократической Республики Восточный Тимор. Ни Португалия, ни Австралия не признали такого одностороннего действия. Кроме того, это вызвало волну новых беспорядков внутри самого Восточного Тимора, когда остальные партии в ответ объявили о присоединении к Индонезии. Португалия все еще считала Восточный Тимор своей колонией, и Индонезия публично поддержала ее, между тем, однако, обдумывая дальнейшие действия по присоединению Восточного Тимора. Индонезия была озабочена тем, как Португалия может отреагировать на присоединение своей бывшей колонии. На переговорах между президентом Португалии и индонезийским генералом, прозвучало, что полная независимость для Восточного Тимора невозможна, и он может либо выбрать присоединение к Индонезии, либо самоуправление под эгидой Лиссабона⁶. Для Индонезии это прозвучало как «зеленый свет» для начала своих действий. Индонезийское руководство добилось, что США, Португалия, Австралия и Великобритания согласились на наилучший, с их точки зрения, вариант для Восточного Тимора, а именно, объединение с Индонезией. Все члены АСЕАН, кроме Сингапура, выступили за присоединение Восточного Тимора к Индонезии. Их позиция объяснялась опасениями роста влияния коммунистической идеологии и стремлением не допустить создания оплота коммунизма в Юго-Восточной Азии. Тогдашний президент США Джеральд Форд и государственный секретарь Генри Киссинджер прямо санкционировали, если не спровоцировали, аннексию Восточного Тимора, прекрасно представляя, какими способами индонезийская армия будет утверждать свою власть⁷.

Внешняя поддержка агрессивных действий и личные амбиции Сухарто, запланировавшего аннексию Восточного Тимора и присоединение этой части к Индонезии, сыграли дурную шутку с властями страны. Несмотря на то, что парламент

принял закон об интеграции Восточного Тимора с Индонезией 15 июля 1976 г., а 17 июля его подписал Сухарто, реализация закона не опиралась на материальное обеспечение процесса интеграции. Военное вторжение Индонезии в Восточный Тимор не сопровождалось эффективностью ведения боевых действий, слаженностью взаимодействия армии, авиации и флота. Никогда ранее Индонезия не проводила операции подобного масштаба. К тому же действия Джакарты натолкнулись на сопротивление сильного противника в лице ФРЕТИЛИН, который обладал практикой вооруженной борьбы, и, не понеся существенных потерь в ходе непосредственных столкновений, перешел к тактике партизанской войны.

Операция по вторжению и оккупации началась в декабре 1975 г. Первой стадией военных действий стало запрещение и попытки уничтожения подразделений Вооруженных сил национального освобождения Восточного Тимора (ФАЛИНТИЛ) в столице. Но задача не была выполнена, большая часть защитников Дили, как и ФРЕТИЛИН, ушли в горы и организовали там партизанские базы. Тем не менее, индонезийская армия смогла захватить столицу, а к началу 1976 г. и около трети территории Восточного Тимора. В то же время подразделения ФРЕТИЛИН пользовались поддержкой населения, что позволило им установить контроль над значительной частью внутренних районов и со временем развернуть успешную партизанскую войну. Индонезия обвинила Лиссабон в том, что португальские власти потворствуют ФРЕТИЛИН, хотя на самом деле многие из рядового состава колониальной армии добровольно перешли на сторону Фронта, тогда как остальные остались верны португальской администрации.

Так началась акция аннексии с применением силы, что полностью перечеркнуло начатую Португалией тактику деколонизации. Одним из принципов, которым руководствовалось правительство Индонезии, было то, что без надежного контроля над периферией единство и территориальная целостность страны проблематичны⁸. Хотя некоторые считали, что именно эти насильственные действия могут стать угрозой единству, поскольку до этого никто, кроме провинции Аче, открыто не стремился к обособленности.

Результатом таких действий стали массовая гибель мирного населения и испорченная репутация Индонезии. Португалия разорвала дипломатические отношения, Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую такие действия. США с союзниками воздержались, а вот страны АСЕАН (кроме Сингапура), Япония, Индия, Саудовская Аравия и некоторые другие высказались против резолюции. ООН потребовала, чтобы Индонезия вывела свои войска. Но, в конце концов, всем пришлось смириться. Продолжая руководствоваться тем, что народ Восточного Тимора хочет интегрироваться в состав Индонезии, в июле 1976 г. Восточный Тимор приобрел статус провинции Индонезии.

Власти Джакарты никогда не приводили официальных данных по количеству погибших в ходе сражений, по разным версиям всего на Восточном Тиморе погибло от двадцати до двадцати семи тысяч человек⁹. Кровавые действия Индонезии получили широкий резонанс общественности. В 1991 г. министры иностранных дел ЕС выступали с осуждением, Дания и Нидерланды прекратили экономическую помощь. Поддержку и гуманитарную помощь Восточному Тимору начали оказывать Австралия, Канада и США, наряду с другими странами, не одобрявшими действия индонезийского правительства. США были обеспокоены, тогдашний Генеральный секретарь ООН планировал направить в Восточный Тимор независимую миссию для расследования. Лиссабон все еще поддерживал идею независимости Восточного Тимора. В начале 1990-х, Индонезии пришлось пойти на уступки и согласиться на переговоры, чтобы хоть как-то ослабить напряжение. Но диалог с партизанами не клеился. Вместе с тем правительство Индонезии не собиралось предоставить автономию или тем более согласиться на предоставление независимости мятежной провинции.

Однако в 1998 г. после ухода в отставку Сухарто все поменялось, начался разговор о предоставлении Восточному Тимору некой автономии. Но уже в 1999 г. новый президент Индонезии Бахаруддин Юсуф Хабиби сообщил, что если Восточный Тимор отвергнет план особой автономии, то он может выбрать свой путь, даже если это означает его выход из состава Индонезии. Он руководствовался тем, что автономную про-

винцию, стремящуюся к независимости, бесполезно и слишком дорого субсидировать, поэтому нет смысла настаивать на этом. Кроме того, творившиеся в Восточном Тиморе беспорядки и резонанс общественности делали провинцию настоящим бременем. В конце концов США пригрозили, что обрушат индонезийскую экономику, если Индонезия запретит ввод международных миротворческих сил ООН на Восточный Тимор, что обозначало бы начало процесса сецессии.

Несмотря на то, что в рядах индонезийской элиты мнения разделились, и высказывались опасения, что за одной отделившейся провинцией последуют другие, аннексия восточной части острова была аннулирована в 1999 г., когда восточнотиморцы проголосовали за отделение от Индонезии. Волеизъявление граждан Восточного Тимора проводилось под наблюдением и эгидой ООН в конце августа 1999 г. Джакарта согласилась с итогами голосования и ратифицировала отделение Восточного Тимора от Индонезии. До 2002 г. власть находилась у переходного правительства, а в 2002 г. был избран первый президент, и официально провозглашено восстановление независимости Демократической Республики Восточного Тимора (Тимора-Лоросае или Тимора-Лешти). Беспрестанная партизанская война, длившаяся с 1974 г. до самой сецессии оказалась ненапрасной. Силы ФРЕТИЛИН оказались сильно недооцененными индонезийскими военными. Каждый раз, когда казалось, что ФРЕТИЛИН повержен, он восставал из пепла. Его численность сокращалась до 50 человек, но вскоре он уже вновь мог дать отпор захватчикам¹⁰. Во многом это благодаря продуманной организации и поддержке местного населения, которое видело в нем защитников. Объединяющим народ Восточного Тимора фактором стало слияние трех начал: сопротивление, католическая религия и язык тетум¹¹. По сравнению с 1974 г., когда католиков насчитывалось около 31%, к 1992 г. они составляли уже 90% населения. Это, как и язык тетум, было одной из форм протеста, одним из способов подчеркнуть разницу между собой и индонезийскими захватчиками. Католическое население во время борьбы пользовалось поддержкой Рима, и даже сам Папа посетил Восточный Тимор, осуждая действия Индонезии. Те-

тум, наряду с португальским, по сей день считается государственным языком.

Восточный Тимор – очень маленькая территория. Его отсечение от огромного восточного подбрюшья страны, которая составляет 1,9 миллиона квадратных километров, оставило лишь небольшой шрам.

Потеря Восточного Тимора была фактически чистой выгодой для Индонезии в целом, независимо от того, признало ли это правительство, поскольку только она могла поспособствовать двум восстановлением – от авторитарного правления и от экономического спада. В период с середины 1997 г. по середину 1998 г. ВВП Индонезии на душу населения сократился на 16,2%¹². Джакарта не могла позволить себе продолжать репрессии против восточнотиморцев. А отказ от территории устранил бы препятствие на пути политической и финансовой поддержки со стороны иностранных доноров и кредиторов, чувствительных к правам человека.

Индонезийцы, которые выступали против отказа от Восточного Тимора, опасались «эффекта домино», при котором другие провинции последовали бы за Восточным Тимором. Конечно, такой исход мог произойти. Но через шесть месяцев после того, как провинциальный статус Восточного Тимора был отменен, остальная Индонезия осталась неповрежденной единой страной. Почему? По сравнению с другими провинциями Индонезии Восточный Тимор уникален. Будучи португальской колонией в течение почти 500 лет, он никогда не был частью голландской Ост-Индии, которая в конечном итоге стала Индонезией.

Таким образом, причиной стремления к отделению от Индонезии и созданию нового государства Восточный Тимор стали индонезийские военные действия с целью насильственного присоединения восточной части острова. В дальнейшем никакие переговоры не смогли бы исправить ситуацию, поскольку обе стороны конфликтного взаимодействия не были реально заинтересованы в согласовании своих целей и национальных интересов. Положение усугублялось тем обстоятельством, что стороны по-разному трактовали свою групповую идентичность, уровень своего политического участия и осознания социально-

экономической защищенности. Еще на ранней стадии Индонезия совершила главную ошибку, став не освободительницей, а захватчицей территории. А оппозиция видела единственный возможный вариант разрешения конфликта – отделение, в то время как руководство Индонезии полностью его исключало. Несовместимость целей и путей их достижения стали главным препятствием для формирования общего будущего.

¹ Breaking Cycles of Violence: Conflict Prevention in Intrastate Crises // Eds. Janie Leatherman, William DeMars, Patrick D.Gaffney, Raimo Vayrynen. West Hartford, Connecticut: Kumarian Press, 1999. - P.272.

² W.Zartman, J.Aurik. Power Strategies in De-escalation // Timing the De-escalation of International Conflicts / Eds. L.Kriesberg, S.J.Thorson. Syracuse, N.Y.:Syracuse University Press, 1991. – P.514-531.

³ Elusive Peace: Negotiating an End to Civil Wars / Ed. W.Zartman. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 1995. – P.25

⁴ R. Vayrynen. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts // New Directions in Conflict Theory: Conflict Resolution and Conflict Transformation / Ed. R.Vayrynen. London, Newbury Park, New Delhi: SAGE Publications, 1991. – P.1-25

⁵ R. Vayrynen. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts // New Directions in Conflict Theory: Conflict Resolution and Conflict Transformation / Ed. R.Vayrynen. London, Newbury Park, New Delhi: SAGE Publications, 1991. – P.1-25

⁶ Урляпов В.Ф. История Тимора-Лешти. XX век // отв. ред. Д.В. Мосяков; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 64

⁷ Другов А.Ю. Индонезия на грани столетий (1997-2006 гг.). – М.: Институт востоковедения РАН, НОЧУВПО «Институт стран Востока», 2011. – С. 14

⁸ Урляпов В.Ф. История Тимора-Лешти... С. 68

⁹ Урляпов В.Ф. История Тимора-Лешти... С. 76

¹⁰ Урляпов В.Ф. История Тимора-Лешти... С. 76 -77

¹¹ Урляпов В.Ф. История Тимора-Лешти... С. 94

¹² <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2000-05-01/will-indonesia-survive> (дата обращения: 02.04.2018)